

Мифы кельтов позднего периода

“Поздняя мифология кельтов связана с Ирландией, на смену ей шло средневековое христианство. Мы уже ссылались на ряд мифов, записанных ирландскими христианскими монахами, и теперь стоит подробнее рассказать о своеобразной христианско-языческой мифологии.

Казалось бы, христианизация кельтской культуры должна была окончательно ликвидировать все, что осталось от ее языка, обычаев и мифов, однако произошло обратное. Новое вероисповедание — христианство нашло себе место и в политической, и в повседневной жизни, а в области мифологии оказалось струей живительного воздуха, стимулировавшей развитие и упорядочение древней мифологии. Широкое распространение письменности позволило монастырским писцам зафиксировать огромное количество материалов, веками существовавших лишь в устной традиции. Неизвестно, в какой степени создатели сводов мифологии изменяли и редактировали по своему вкусу изустные предания, но в послесловии к эпическому повествованию “Похищение быка из Куальнге” монах писец сообщает:

“Я, который записал эту историю или, скорее, вымысел, не подтверждаю своей верой многих вещей в этой истории или, скорее, вымысле, поскольку некоторые вещи в ней есть дьявольский обман, иные — поэтические фантазии; иные — несколько похожи на правду, иные такой схожести не имеют, а некоторые умышлены как утеша для глупцов”.

Аналогичная работа велась и в монастырях Уэльса и Корнуэла, остававшихся под сильным ирландским влиянием, где письменно фиксировались сочинения британских кельтов с явно выраженным языческим содержанием.

Довольно путаный и непоследовательный пантеон кельтских богов значительно упорядочивается в уже упоминавшейся компиляции XI века “Книге завоеваний”, хотя имеется и более древний вариант, посвященный той же теме, — третья часть “Истории Британии” Нениуса, написанная в IX веке.

В соответствии с этими источниками Ирландия пережила шесть завоеваний. Строго говоря, первый этап трудно назвать завоеванием, поскольку происходило это при не вполне ясных обстоятельствах и, как пишут составители эпоса, “во времена до потопа”. Возглавляла это то ли завоевание, то ли первичное заселение Ирландии богиня Банба; потоп поглотил всех участников этого события, за исключением ФИНТАНА, который, пройдя через ряд последовательных перевоплощений, сумел пережить века и поведать о происшедшем грядущим поколениям.

Первое настоящее вторжение произошло под командованием ПАРТОЛОНА, сына короля Испании БЕЛА. Убив своего отца, Партолон был вынужден оставить Испанию и отправиться в Ирландию, куда он прибыл в день праздника бога Бела. В те времена эту страну населяли фоморы, имевшие вид людей, но с козьими головами. У каждого из них был лишь один глаз, одна рука и одна нога. Партолону и его племени пришлось вести с фоморами битву, в которой они одержали победу, а затем принялись за благоустройство страны. Партолон расчистил четыре долины, создал семь крупнейших озер, ввел ряд обычаев и стал родоначальником некоторых ремесел.

Однако все племя Партолона погибло: они прибыли к берегам Ирландии в праздник бога Бела, а через несколько лет, день в день, вспыхнула страшная эпидемия, длившаяся всего неделю, но уничтожившая их всех.

Второе завоевание Ирландии очень похоже на первое. Возглавлял его НЕМЕД, он же “святой”, прибыли чужаки в Ирландию в день праздника бога Бела, победили в битве фоморов, продолжили благоустройство Ирландии, создав ряд новых озер и рек. И снова эпидемия за один день унесла и Немед, и две тысячи его сотоварищей. Те, что выжили, попали под гнет вернувшихся к власти фоморов. Ежегодно они должны были отдавать угнетателям по две трети новорожденных детей, молока и плодов земли.

Рано или поздно такие невыносимые условия жизни должны были привести к бунту, и потомки Немед начали его. Фоморы правили Ирландией с вершины стеклянной башни, стоявшей над Тор Инее (Остров Башни). Бунтовщикам удалось организовать осаду башни, а затем взять ее штурмом и убить владыку фоморов КОННАНА. Брат погибшего властителя организовал карательную экспедицию и полностью истребил потомков Немед.

Третье вторжение совершили три родственных племени с общим названием Фир Болг.

Эти племена состояли в родстве с фоморами, а королева фоморов ДОМНА почиталась как богиня. Время их правления в Ирландии было недолгим, и никакой пользы стране они не принесли, если не считать некоторых административных нововведений.

Четвертая волна завоевателей состояла из пришельцев племени богини Дану, весьма достойных, божественных, являвшихся прямыми предками ныне живущих ирландцев. Явились они в Ирландию с северных островов, бывших, как известно, средоточием мудрости и тайных знаний. Ведомые друидами, они окольными путями через Норвегию и Шотландию прибыли к берегам этой страны и под прикрытием магического тумана незамеченными высадились на землю. Другой вариант мифа говорит, что магического тумана не было, но пришельцы подожгли свои корабли, отрезав себе путь к отступлению и в то же время создав дымовую завесу.

Предводителем племени богини Дану был НУАДА. Он же возглавлял свое войско во время двух великих битв. Битвы эти описываются и в другом источнике: “Вторая битва при Мойтуре” — мифологическом цикле ирландских саг. В первой битве победило племя богини Дану. Произошло это под Мойтуром недалеко от Лох Эрроу, нынешнем графстве Слиго. Именно в этой битве Нуаду потерял руку, которая была заменена искусным протезом из серебра, изготовленным Диан Кехтом.

Побежденные Фир Болги скрылись у своих союзников фоморов на Гебридских островах и на острове Мэн. Было заключено временное перемирие, в результате которого власть над Ирландией была передана королю фоморов БРЕСУ, оказавшемуся в родстве с обеими враждующими сторонами. Нуаду, став инвалидом, в соответствии с кельтскими обычаями лишился права быть королем.

Но правление Бреса не удовлетворяло ни простонародье, которое несло на себе тяготы повседневной жизни, ни аристократию, недовольную скупостью Бреса, особенно скудными пирами, устраиваемыми им. Сколько бы гостей ни посещали пиров, “ноги их от того не покрывались жиром, а дыхание их никогда не пахло пивом”. Кроме того, король Брес никак не относился к поэтам и музыкантам, так что было решено признать серебряную руку Нуаду соответствующую требованиям, предъявляемым королю, и вернуть ему власть, изгнав Бреса.

Именно после этого и разыгралась вторая битва при Мойтуре — как результат отражения карательной экспедиции фоморов. Войско племени богини Дану возглавлял

Луг, а предводителем фоморов был Балор, циклоп божественного происхождения. Поединок предводителей стал решающим в исходе битвы, что и нашло отражение в повествовании “Второй битвы при Мойтуре”.

Луг сам был наполовину фомором, являясь внуком Балора, и владел всеми видами военных искусств, знакомыми обеим враждующим сторонам. Перед битвой Луг обратился к своим воинам и призвал их биться так, чтобы больше никогда не познать горечи неволи, ибо лучше умереть, защищая свободу, чем жить рабом. Прибывшая к полю битвы богиня МОРРИГАН тоже поощряла воинов Луга к бою.

Во время битвы Нуаду пал от руки Балора, и теперь все зависело от боя предводителей. Балор обладал способностью уничтожать все, на что он смотрел своим единственным глазом. Луг так умело пустил камень из пращи, что глаз Балора сместился на затылок, и, когда взгляд его пал на армию фоморов, собственные воины Балора падали целыми рядами.

В суматохе битвы фоморам удалось похитить арфу бога Дагды и унести ее с собой. Бросившиеся в погоню Луг, Дагда и Огма ворвались во дворец короля Бреса, где на стене зала и висела похищенная арфа. При появлении хозяина арфа сорвалась со стены и полетела к нему. Дагда сыграл на ней три мелодии. Первая была столь грустной, что женщины фоморов расплакались. Вторая мелодия была такой радостной, что женщины и дети смеялись. Третья же навеяла на всех присутствующих глубокий сон, и герои ушли невредимыми, забрав с собой арфу.

Битва закончилась победой племени богини Дану, а побежденный враг был сброшен в море. Всем водам, рекам и горам Ирландии, всем духам, живущим в Сид, богини Морриган и Бадб объявили о результате битвы. Бадб, кроме того, описала геройские подвиги победителей, одновременно предсказав их дальнейшее падение.

Пятая, и последняя, волна завоевателей состояла из сыновей МИЛЯ, гойделов, прямых и непосредственных предков ирландцев. Они, как водится, прибыли из Испании, где в те времена существовала высокая башня, построенная королем БРЕГОНОМ. Как-то вечером сын короля ИТ увидел с вершины башни побережье Ирландии и, заинтересовавшись видом странного острова, решил отправиться туда.

Взяв с собой трижды тридцать воинов, он отправился в путь и вскоре добрался до берегов Ирландии, прибыв туда в момент раздела земель одного из убитых вождей. Чужеземца пригласили разрешить спор, полагая, что он будет наиболее беспристрастным судьей в сложном деле. И в самом деле, решение Ита было справедливым и удовлетворило всех присутствующих, однако он по неосторожности проговорился о том, как восхитил его вид земли ирландской. Убоявшись того, что пришельцы захотят завоевать понравившийся им край, ирландцы убили Ита и его спутников.

Месть не заставила долго ждать себя, и четырежды девять кораблей оставили берега Испании под предводительством МИЛЯ, сына БИЛА, сына Брегона. Как обычно, в день праздника Бела армада прибыла к берегам Ирландии и совершила высадку. У горы Мисс в королевстве Мюнстер произошло сражение, длившееся три дня и завершившееся победой пришельцев. Далее войска Миля пришли к городу Тара, в котором правили три короля. Начались переговоры, закончившиеся необычным решением: сыновья Миля должны были выйти в море и возобновить попытку высадки, удалившись от берега на расстояние девяти волн.

Пришельцы сели на корабли и отчалили от берега, а племя богини Дану прибегло к магическим действиям, в результате чего испанские суда были отброшены далеко в море. Страшную бурю, разыгравшуюся на море, смог усмирить придворный поэт АМАРГИНУ.

Повторная высадка произошла в Инбер Бойнн и была менее удачной. Выйдя на равнину Брега сыновья Миля вступили в новую битву с племенем богини Дану. На этот раз победа гойделов была окончательной. С тех пор они стали властвовать в Ирландии, а побежденные боги скрылись в своих подземных Сид, устроенных, впрочем, весьма комфортно.

Исследователи затрудняются определить, какие мифологические события предопределяли, реальные исторические события. Но несомненно, что повествования этого цикла в определенной мере отражают прошлое Ирландии, а в особенности историю завоевания острова Кельтами. В то же время исторические факты настолько обросли опозитизированными мифическими подробностями жития богов, что выделить их почти невозможно.

Просматриваются определенные закономерности битв между богами: решающие столкновения происходят, как правило, между родственниками. Партолон убивает отца, а Луг убивает Балора, своего деда со стороны матери, то есть битвы можно рассматривать как бунты молодых богов против своих предков, — мотив, часто встречающийся в мифологии. Победа молодых богов всегда означает освобождение от устаревших, ставших тягостными обычаи, введение прогрессивных инноваций. Исследователи полагают, что на пороге средневековья эти мифологические мотивы были подчеркнуты, поскольку весьма напоминали царившие тогда в обществе политические и общественные настроения. В таком случае можно считать, что данный пласт мифологии обозначил тот период истории Ирландии, когда племенные вожди стали превращаться в феодальных монархов. Именно поэтому произведения данного периода трудно однозначно определить как миф, героическую эпопею или легенду. Персонажи могут в одних и тех же произведениях иметь то черты богов, то являться людьми; боги, подобно богам греческой “Илиады”, могут вмешиваться в повседневные дела людей и в ход военных конфликтов...

В “Похищении быка из Куальнге” есть описание главного героя, уже упоминавшегося нами Кухулина, “не имеющего равных среди смертных”, — сына Луга. На поле битвы он демонстрирует свой облик войскам противника, возглавляемые правительницей Конхарта МЕДБ, которая несет черты Великой Матери Богов.

На следующее утро Кухулин решил осмотреть войска неприятеля и показать свое прекрасное обличье женщинам, девицам и поэтам, поскольку сам он свое магическое и грозное обличье, показанное накануне, не считал прекрасным и возвышенным...

“Трех цветов были у него волосы — темные у корней, красные, как кровь, посередине и золотисто-соломенные короной покрывали все...”

“На каждой щеке было четыре пятна — золотое, зеленое, синее и пурпурное. В каждом из глаз светилось семь драгоценных камней... На каждой ноге его было по семь пальцев, и на каждой руке по семь пальцев. Ногти были цепки, как когти ястреба, острые, как у филина, — и так на каждом пальце...”

В другой главе мы узнаем о том, как королева Медб потребовала от Фердиада, сына Дамана, выйти на бой с Кухулином. Трагизм состоял в том, что Фердиад был давним другом и боевым соратником Кухулина и даже его молочным братом. С другой стороны

— первой и священной его обязанностью была защита интересов клана.

“Тогда Медб послала к нему друидов и заклинателей и поэтов, чтобы осмеяли его в трех четверостишиях и наложили три заклęcia, чтобы на лице у него образовалось три язвы, если он не выйдет на бой. А именно: Позор, Стыд и Вина, Фердиад же пошел сам, храня честь свою, поскольку легче ему было пасть в бою, чем от копий насмешек и позора... За победу в бою обещали ему колесницу, стоящую четырежды семь невольниц, на двенадцать мужей одежды всяких расцветок и земли в два раза больше, чем до тех пор имел, освободив ее от дани, от постоя, от прохода; еще свободу от военной службы для сына, для внука и для правнука — вплоть до дня Суда и Жизни Вечной, а также королевну ФИН-ДАБАР в жены, и еще сверх того золотую пряжку с плаща Медб”.

Фердиад, согласившись выйти на бой, поет песнь отчаяния, обращаясь в ней к Кухулину, почти все время называя его не по имени, а Псом, в чем нет никакого оскорбления, поскольку, как мы уже знаем, Кухулин и значит “Пес Кулина”: “Как скорбно, боже, что между мной и им стала женщина! Половина моего сердца — это Пес совершенный, а половина сердца Пса — это я!”

Бой героев длится три дня, при этом в перерывах они дружески беседуют и поют песни, скорбного, впрочем, содержания.

На третий день победу одерживает Кухулин. И не только потому, что он более опытен и искусен в бою, но и потому, что героям Ирландии предсказано: не может выиграть бой тот, кто поднимает руку на молочного брата своего.

Примерно в это же время в Уэльсе появились обширные циклы произведений мифологического характера, и важное место среди них занимает “Мабиногион” — ученические сказания. Начиная барды должны были выучивать этот цикл наизусть. Его анонимные творцы воспользовались множеством древнего мифологического материала, обогатив его фольклорными традициями. Важное место в нем занимают рассказы о событиях в мире ином, называемом королевством Аравн, властителем которого является ПВИЛ. В страну эту уходят мертвые, но там же живут божества и иные сверхъестественные существа.

Если в ирландских сагах главное место отводится подробностям путешествия в страну мертвых и ее описание, то в валлийских сказаниях в основном говорится о богах, их любовных и военных приключениях, хитроумных авантюрах.

Другой популярный герой валлийских сказаний МА-НАВИДАН, сын бога Ллира, позже — Лера (а у Шекспира — Лира), божества океана ирландской и валлийской мифологии. Повествование о Манавидане — это история о преследовании божественных потомков Ллира злыми подземными божествами, наводящих злые чары на детей Ллира и опустошающих весь край. Манавидан представлен в этой истории как бог-герой, освобождающий покоренных богов и воплощающий триумф добра над злом. Он же учит людей земледелию и ремеслам. Другие дети бога Ллира — это БРАН и его сестра БРАНВЕН, ПРИДЕРИ и его жена РИАННОН. Бран со своей сестрой — это боги, помогающие людям, но не слишком сообразительные и потому попадающие в различные неприятности. Полагают, что в цикле о детях Ллира отражаются какие-то сложные отношения между Британией и Ирландией, а герои до некоторой степени воплощают различные племена и королевства, участвовавшие в игре сил на политической арене.

Другой цикл — это рассказы о героях с чертами Прометея: ХУ ГАДАРН, ЭЛЛУД, КОЛЬ (обучивший людей разным методам земледелия) и СЕРЕН ФЕДДВ, которого волшебный кабан научил варить пиво. К очень популярным героям мифических и иных произведений относятся ТАЛЕЙСИН и МИРДДИН — два поэта и прорицателя, воплощающие сверхъестественные и человеческие черты филидов. Герои эти — ясновидящие, проникающие во все тайны прошлого, настоящего и будущего. Объясняется это тем, что они прошли через множество последовательных перевоплощений, сохранив при этом память о них.

Нениус в своей “Истории Британии” сообщает, что Мирддин, позже в средневековых легендах превратившийся в волшебника МЕРЛИНА, родился от девицы и младенцем уже был мудр, как старец.

Еще один популярный герой — ПЕРИДУР аб ЭФ-РАВ, воин, неутомимый в истреблении всевозможных чудовищ. Именно Перидур стал прообразом одной из возвышенных фигур средневекового рыцарского эпоса — Персивалем.

Позже в “Ученических песнях” появляется полуисторическая полумифическая фигура короля Артура. Этот кельтский властитель, взявший на себя управление страной после

ухода римлян, борется с англосаксонскими пришельцами. Его мифический замок Камелот или Керлион (ныне Колчестер) был расположен на месте римского лагеря легионеров Каструм Легионис.

Окружают этого короля величайшие герои своего времени, отличающиеся огромной силой, храбростью, благородством и верностью, владеющие и сверхъестественными способностями. Большой популярностью пользовалась валлийская легенда “О том, как искал Куллах руки Олуэн”, где одним из главных героев является король Артур.

В версии, записанной в XII веке, легенда эта во многом напоминает повествования о древнегреческих героях, сохраняя при этом самобытный валлийский дух.

Куллах с друзьями прибыл ко двору властителя ИСПАДДАДЕНА ПЕНКАВРА, чтобы просить руки его дочери Олуэн. Хозяин велел пришельцам явиться на аудиенцию завтра, но когда они встали, чтобы уйти, он схватил один из трех отравленных дротиков, стоявших рядом, и бросил в гостей. Герой БОДВИР поймал дротик и, метнув в хозяина, пробил ему коленную чашечку. Так повторилось еще дважды, и в конце концов гости потребовали от хозяина немедленно изложить его условия, иначе его судьба будет достойна сожаления.

Условия оказались таковы: следует раскорчевать находящийся неподалеку от дворца холм, добыть из земли все корни и сжечь их, чтобы земля стала плодородной, а затем распахать землю и засеять пшеницей. Из этой пшеницы должны быть приготовлены на свадьбу хлеб и пиво — и все это следует сделать в один день.

Выясняется, что эта задача герою по силам. И тогда потенциальный тесть выдвигает следующее условие: найти гребень и ножницы, которые помогут справиться с густой шевелюрой злонамеренного короля. Гребень и ножницы находятся между ушей волшебного кабана, который на самом деле был заколдованным человеком.

Выясняется, что для охоты на кабана необходим волшебный пес, охотник, пропавший без вести, конь и уздечка, сплетенная из волос, вырванных из бороды великана. К тому же нужно было заручиться поддержкой короля Франции и добыть меч великана ГУРНАХА-ГАВРА. Куллах соглашается на все эти условия, полный уверенности, что

сумеет со всем этим совладать, поскольку ему непременно поможет его господин и родственник короля Артур.

Герой хитростью пробирается в замок гиганта, убивает его и завладевает мечом, а затем с помощью короля Артура постепенно подбирает нужных людей и снаряжение, необходимое для распашки холма и охоты на заколдованного кабана. Не обходится дело и без использования магических приемов. Наконец, остается самая трудная задача — собственно охота на кабана.

“Артур собрал воинов с трех островов Британии и с трех островов прилежащих, и из Франции, и из Арморики (Бретань), и из Нормандии, и из Страны Теплой, и собрал он лучших из тех, кто воевал в пешем строю, и тех, кто был лучшим всадником — всех. И отправились они тогда в Ирландию. И при вести и его приближении страх и дрожь охватили тот край. Когда он сошел с коня, ирийские святые пришли просить его взять их под свою опеку, а жители принесли дань из продовольствия. Артур же отправился в Эсгир Эрруэл, где кабан ТРУИТ находился со своими семью поросятами”.

Кабана обложили со всех сторон собаками и вызвавшие в помощники ирландцы бились с ним с утра до вечера. И в этой битве была уничтожена одна пятая часть населения Ирландии. На второй день с кабаном бились рыцари Артура, но многие из них в этом бою были ранены. С утра третьего дня в бой вступил сам Артур и бился девять дней и девять ночей, но сумел убить лишь одного поросенка. Только тогда Артур признался своим людям в том, что этот кабан является королем, превращенным в чудовище за грехи его.

Артур высылает на переговоры с кабаном парламентаря, причем парламентарь принимает облик птицы. Говорит с парламентарем даже не сам кабан, а один из его поросят, заявляя, что говорить с Артуром они не будут, что им известна цель охоты — достать гребень, бритву и ножницы, скрытые между ушей кабана, и с утра стадо отправится в страну Артура, чтобы сотворить столько зла, сколько в их силах.

Кабаны и в самом деле отплывают на корабле в Валлию (Уэльс), а король Артур с воинами, лошадьми и сворой псов отправляется в погоню. Преследуя кабана, Артур видит массу убитых людей и животных, сожженные поселения. В боевых стычках Артур теряет несколько лучших воинов, в том числе и своего сына. Кабан же поочередно теряет своих поросят.

Когда погоня добирается до реки Северн, Артур говорит воинам, что следует защитить Корнуэлл и ни в коем случае не пустить туда зверя. Организуется засада возле реки. Кабана загоняют в воду, а затем Артуру с самыми храбрыми рыцарями удается схватить животное за ноги и втащить с головой в воду. Тогда МАБОН, сын МАДРОНА, подскочил на коне и схватил бритву, а вслед КИЛДЕРВИЛТ прискакал и с другой стороны подхватил ножницы. Однако, прежде чем успели схватить гребень, кабан отыскал опору, вырвался и бежал в Корнуэлл. Никто не сумел тому помешать.

Последняя задача оказалась весьма трудной и потребовала дальнейших жертв. Все же гребень удалось раздобыть, а кабана прогнали в море. О дальнейшей его судьбе история умалчивает. Артур же отправился в место Келливик в Корнуэлле и там омылся и отдыхал после боев.

Поскольку все необходимые условия были выполнены, герой вновь отправился к Испаддадену и формально спрашивает руки дочери. Заключительные сцены этого повествования трудно назвать благостными и пасторальными:

“Куллах отправился ко двору Испаддадена, неся добытые вещи. КАВ обрил хозяина, содрав ему кожу и мясо на лице до костей — от уха до уха.

— Хорошо ли ты теперь обрит? — спросил Куллах.

И тот ответил, что это так.

— И теперь твоя дочь стала моей?

— Она твоя. Не благодари меня за это. Артуру принеси благодарность, потому что он добыл ее для тебя. Я никогда не отдал бы ее тебе добровольно. Что же до меня, то мне пришла пора расстаться с жизнью.

И тогда ГОРЬЮ схватил его за волосы, потащил к плахе замка и там отсек ему голову, поместив ее на столбе на площади. Сам же стал владеть замком и всем имуществом.

Куллах спал в ту ночь с Олуэн. До конца жизни он не знал иной женщины. Товарищи же разошлись по своим странам”.

Пересказанная история — один из примеров поздних мифических сказаний, постепенно преобразующихся в средневековые рыцарские легенды. Среди рыцарей короля Артура можно встретить бывших языческих богов, как, например, Мананнан, сын Ллира.

Схожие процессы перехода языческих мифов в христианские легенды происходили и в Ирландии. Почва для этого была крайне благоприятной: высокий интеллектуальный уровень школ для филидов и конкуренция с друидами, сходство некоторых сюжетов, распространенных в христианской и кельтской традициях. Новой формой христианского мифа стали жития святых и мучеников, таких, как Патрик, Колумб и Бригида (Бригитта). Ирландские святые по преимуществу являются героями, но герои эти воплощают отнюдь не только черты христианских добродетелей. Можно сказать, что литература христианской эпохи стала у кельтов продолжением мифологии, в которой языческие верования были заменены христианскими, а герои сохранили поразительное сходство с древними божествами и героями эпохи язычества.

“Житие патрона Ирландии святого Патрика” во многом состоит из новых версий старых мифов. Прибытие святого Патрика в Ирландию рассматривается в традиции “Книги завоеваний”, как бы дописывая ее последнюю главу. Патрик в своих странствиях по Ирландии проходит теми же маршрутами, что и предыдущие завоеватели, ведет битвы с друидами, и с обеих сторон участвуют силы сверхъестественные. Победу в них всегда одерживает святой, но эти победы никогда не обходятся без тяжелых потерь.

В “Житие святого Патрика” многие события связаны с ежегодными праздниками. Праздники эти, разумеется, христианские, но совпадения с “Книгой завоеваний”, где основные события происходят в праздник Бела, совершенно явны. Даже рождественские костры, которые зажигает Патрик во время битвы с друидами, поразительно похожи на те костры, что предыдущие завоеватели разжигали в ночь праздника бога Бела.

Святой Патрик получает у бога полномочия освобождать от адских мук души христианские, то есть становится властелином мира мертвых. Кстати, ему дозволено освободить столько душ, сколько нужно для того, чтобы покрыть весь видимый небосклон. Его магический посох — вплоть до чудесного колокольчика — напоминает сакральные атрибуты посвященных филидов, причем получает он этот посох не от Бога, а от вечноживущей пары людей на далеких островах. Тем не менее, посох этот способен воскрешать мертвых — та привилегия, которой в библейской традиции святые удостаивались считанное число раз и в исключительных обстоятельствах.

Нашли свое продолжение в русле христианской традиции и языческие путешествия на загадочные Счастливые острова, в особенности путешествие Брендана; предполагается, что Брендан действительно совершил дальнейшее путешествие по островам Северной Атлантики, добравшись до Исландии и — судя по некоторым данным — даже до побережья Северной Америки, став первооткрывателем Нового мира.

К путешествию Брендана склонил некий Боринфус, рассказав о своем пребывании на острове, называемом Страной Святых Обетовании, а также еще на одном острове, где один из бывших послушников Брендана создал монашеский орден. Собрав еще четырнадцать единомышленников, герои построили большую обшитую кожей лодку и после сорокадневного поста начали свою одиссею.

Не зная точного направления в край Святых Обетовании, монахи посетили множество удивительных стран, расположенных на островах, и пережили ряд удивительных приключений. Во время всего путешествия дорогу им показывал загадочный юноша (как сын Лера Мананнан в языческих путешествиях показывал дорогу древним ирландским путешественникам) с той разницей, что монахам дополнительно давались указания, касающиеся выполнения христианских обрядов в суровых условиях путешествия. Всякий раз накануне пасхи на их пути появлялся небольшой остров, оказывающийся впоследствии- спиной кита. Среди прочих чудес путешественникам довелось видеть Иуду Искарота, которому был предоставлен краткосрочный отдых от вечных адских мук — на морской скале.

В краю Святых Обетовании многие подробности устройства острова остались неизвестными, поскольку это было запрещено свыше.

Знатоки ирландской литературы полагают, что путешествие святого Брендана является

связующим звеном между мифологическим прошлым ирландцев и традицией средневековой легенды.

Итак, позднекельтский миф и эпос благосклонно приняли христианство, и теперь монахи и святые начали бороться с демонами, воплощавшими уходящее в прошлое язычество, а бывшие боги становились мифическими героями либо превращались в средневековых рыцарей, усаживающихся за круглый стол короля Артура. Все то, что в духовной жизни кельтов было связано с мистикой, символикой, тайной, не исчезло, а, напротив, поднялось на высший духовный уровень.

В суровых кельях возле деревянных храмов читали книги не только отцов церкви, но и книги Древней Греции и Рима, которые церковь в течение многих веков считала, по крайней мере, нежелательными. В Европе, утерявшей за несколько веков классический латинский язык и перешедшей на “кухонную латынь”, к моменту возникновения интереса к произведениям античности, практически не оказалось знатоков древних языков. И именно ирландские (в меньшей степени шотландские, валлийские, корнуэльские) монахи внесли немаловажный вклад в культуру эпохи Возрождения.

Поздний кельтский эпос, интерес к которому появился при дворах средневековой Европы, получил распространение преимущественно через произведения валлийского епископа Джеффри Монмотского, который за период 1140-1150 гг. собрал и издал на латинском языке все мифы, эпические сказания, легенды и предания, которые, по его мнению, отражали историю Уэльса. Епископ, вел отбор произведений весьма своеобразно: независимо от достоверности преданий он подбирал наиболее яркие из них, и таким образом родились “Жизнь Мерлина”, “История Таллессина” и “История британских королей”.

Под пером Джеффри фигура полумистического-полуисторического короля Артура, его рыцарей и окружения получили блеск, которого не было в самих мифах цикла “Ученических песен”. Впоследствии свой вклад в развитие эпоса об Артуре внесли средневековые переводчики, а особенно поэт-монах Уэйс Джерсийский, сделавший примерно в 1155 году поэтизированный перевод на французский язык произведений Джеффри, обогатив его темами из иных источников. Собственно говоря, понятие “Круглого Стола”, отсутствующее у Джеффри, введено Уэйсом.

В свою очередь французский поэт Кретьен де Труа, основываясь на произведениях

Джеффри, создал стихотворный рыцарский роман, повествующий о рыцаре Персивале и святом Граале, чудесной изумрудной чаше, в которую стекала кровь распятого Христа. В обработке Кретьена де Труа поздневаллийские мифы обогатились заимствованиями из иных культур, в частности ближневосточного круга, так что фигура Персиваля, а особенно сам символ Грааля покрыты чудесной мистической аурой, над толкованием которой ломают головы многие поколения исследователей.

Из позднекельтских источников черпали вдохновение и творцы, обращавшиеся к теме любви. У кельтов, где еще в средневековье за измену сжигали на костре неверную жену и ее любовника, супружеская верность рассматривалась как вопрос чести женщины и двух родов или кланов, породнившихся через брак. Одновременно любовная страсть считалась силой столь всемогущей, что ее истоки усматривали в сверхъестественных явлениях: в колдовских напитках и иных магических практиках.

История Тристана и Изольды ярко выделяется на фоне произведений эпохи средневековья своим трагизмом."